

ЧИСТКА РКП(Б) В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ: 1920–1923 гг.

Изучается проблема массовых чисток Томской губернской организации коммунистов. Выявлены мотивы исключения, процедура проведения кампании, а также ее последствия. Установлено, что исключению предшествовали добровольные выходы людей из партии. Анализируется деятельность губернской контрольной комиссии по наказанию нарушителей партийной этики. Из РКП(б) исключали прежде всего бывших офицеров и выходцев из других партий. Показано, что исключение из партии означало поражение в правах и увольнение с работы.

Ключевые слова: чистка; регулирование партийных организаций; увольнение со службы; бывшие офицеры; представители оппозиционных партий; преступники.

Проблема чистки партии коммунистов в 1920–1923 гг. недостаточно разработана в исторической литературе. Советские историки в той или иной степени касались чистки: пересказывали постановления ЦК РКП(б) о целях и задачах кампании, комментировали ее итоги по Сибири в целом [1]. Однако им не удалось подробно и объективно проанализировать эту проблему [2].

В процессе регулирования партийных рядов ЦК РКП(б) чередовал тактику массовых приемов и тотальных чисток. Партийные организации Сибири не были исключением. С января 1920 г. начался быстрый рост числа коммунистов в Томской губернии, а уже к марту 1920 г. губком, по указанию центра, сформировал комиссию по перерегистрации в составе Карла Яновича Озола, Тихона Дмитриевича Екишева¹, Константина Михайловича Молотова и Алексея Диомидовича Никифорова² [3. Ф. 1. Оп. 1. Д. 942. Л. 9]. Крестьянские волнения вынудили отложить проверку партийных рядов на полгода. В сентябре 1920 г. перерегистрацию проходили коммунисты Томска, Тайги, химического завода и рудника в Щегловске, в ноябре и декабре – Томского уезда и Кольчугино. Кампанию планировали завершить в ноябре 1920 г., но уложились только к новому году. Провести перерегистрацию в деревне не смогли [Там же. Д. 1. Л. 21].

Кампания перерегистрации проводилась с целью очищения правящей партии от людей, социально чуждых новой власти. В первую очередь из партии изгоняли бывших офицеров царской и колчаковской армий. Причины исключения остальных товарищей весьма разнообразны: неподчинение партийной дисциплине во время крестьянских восстаний, антисоветская агитация, воровство продуктов, непосещение субботников, неявка на перерегистрацию, незнание программы, «шкурничество» и пр. Последний проступок понимался как преследование коммунистом какой-либо личной выгоды. Очевидно, что многие вступившие в партию, не думали о тех требованиях, которые организация им предъявит.

Перерегистрация была быстротечной кампанией. Две или три недели продолжался сбор информации, а затем проводилось собрание, где собственно и происходила чистка. Обсудить каждого коммуниста не уда-

лось. Поэтому рассматривались дела лишь тех товарищей, на которых поступало устное или письменное заявление. При этом выявлялась масса личных обид. 20 сентября 1920 г. в ячейке связи Томска сослуживцы обвиняли друг друга в «сочувствии тем паразитам, которые расстреливали наших товарищей» и порочили честных коммунисток «тротуарными женщинами». Начальник учреждения в ответ на критику в свой адрес заявил: «Я знаю и хорошо знаю, зачем распространяются эти слухи, – это теми контрреволюционерами, которые ждут переворота, чтобы первую петлю... набросить на меня» [3. Ф. 1. Оп. 1. Д. 335. Л. 50].

К сентябрю 1920 г. в Тайгинской организации перерегистрацию прошли 105 членов и 79 кандидатов. Исключили одного члена и 7 кандидатов [Там же. Д. 331. Л. 49]. При этом не сообщалось, сколько товарищей не явилось на перерегистрацию. К 20 октября 1920 г. в Щегловске, на химическом заводе и Кемеровском руднике перерегистрацию прошли 916 коммунистов. Были исключены 302, переведены в кандидаты 8 и 53 не явились на перерегистрацию. Если до перерегистрации в Томском уезде насчитывалось 2 394 коммуниста, то после, в декабре 1920 г., – 1 877 [Там же. Д. 890. Л. 57]. В конце 1920 г. Кольчугинский райком подвел итоги перерегистрации. До начала кампании насчитывалось 100 коммунистов, а после ее завершения – 500. По другим данным – 500 и 477 соответственно [Там же. Д. 34. Л. 4]. Отсутствие полных и систематизированных данных по уездным организациям не позволяет объективно подвести итоги перерегистрации по губернии в целом. Кроме того, неквалифицированные сотрудники губернской комиссии не смогли четко разграничить учитываемые категории: кандидатов и членов партии, исключенных вообще и исключенных на срок, прошедших перерегистрацию и не явившихся.

В начале 1921 г. губернский комитет РКП(б) опубликовал итоги перерегистрации в виде двух таблиц, данные которых не совпадают. Если абстрагироваться от явных ошибок партийной статистики того времени, то результаты перерегистрации в губернии можно представить следующим образом [4. С. 19–20]:

Категория	До перерегистрации	После перерегистрации
Членов	12 879	15 708
Кандидатов	12 690	9 910
Всего коммунистов	25 569	25 618

Достоверность этих цифр сомнительна ввиду отсутствия низового партийного аппарата. Тем не менее

можно утверждать, что перерегистрация не изменила общее число коммунистов губернии. Иными словами,

чистка не удалась. С 1920 г. в губернии действовал партийный суд, состав которого часто обновлялся на общих собраниях коммунистов [3. Ф. 1. Оп. 1. Д. 691. Л. 1]. 23 сентября 1920 г. суд исключил из партии супругов С.А. и М.В. Андреевых за принадлежность к классу буржуазии и уголовное прошлое. Инструктора Е.Ф. Дубовца исключили за антисоветскую агитацию среди крестьян [5. С. 19–20]. В этот же день прекратили дело в отношении А.Ю. Федоровича, ранее состоявшего в партии эсдеков, поскольку товарищ вступил в РКП(б) в годы подполья [Там же. Д. 19. Л. 74]. В начале 1921 г. Сергей Лошков, уполномоченный фабрики «Заря», был исключен из РКП(б) за грубое обращение с рабочими. В сентябре 1920 г. партийные суды были заменены контрольными комиссиями (КК).

В голодный 1921 г. наметилось резкое сокращение партийных рядов губернии. Многие коммунисты не посещали партийные собрания, субботники, не выполняли поручений, не платили членских взносов. Тем самым люди фактически покидали партию безо всякого объяснения причин. В начале 1921 г. вышел из партии по собственному желанию рабочий спичечной фабрики, председатель фабрично-заводского комитета Михаил Григорьевич Кожаев. Письменных заявлений о разрыве с РКП(б) сохранилось крайне мало. 7 февраля 1921 г. второй райком Томска принял к сведению заявление Хлебникова о выходе из РКП(б) как человека, верующего в Бога [Там же. Д. 385. Л. 11]. Подлинные мотивы отказа от членства в партии обычно скрывались. Авторы отдельных заявлений рассчитывали покинуть РКП(б) на время или обратить внимание властей на серьезные недостатки партийной и советской практики. Например, в заявлении Бахарева Василия Ивановича от 16 февраля 1921 г., написанном за него товарищем, сообщалось о неграмотности, несогласии с новой экономической политикой, а также о необходимости отъезда за пределы Чаинской волости [Там же. Д. 922. Л. 18].

Максим Перцев при демобилизации из Красной армии сдал полушубок. В феврале 1921 г. он устроился работать в военкомат и надеялся, что учреждение выдаст ему полушубок. Получив отказ, Максим написал заявление в Боготольский райком о разрыве с партией [Там же. Д. 379. Л. 259]. В некоторых заявлениях причины недовольства РКП(б) назывались прямо. 1 апреля 1921 г. Прокопий Анисимович Васильев из Спасской волости писал: «Сим прошу исключить меня из состава Батуринской комячейки по причине того, что являюсь в семье одним работником, имея хозяйство, при ведении партийной работы, каковое у меня нарушается, что не желательно. Батуринская комячейка не находит нужным меня исключать» [Там же. Д. 993. Л. 77]. В апреле 1921 г. Александр Федорович Скониченко писал: «Являюсь председателем сельсовета и партийную работу вести совершенно нет времени» [Там же. Л. 96]. Однако уже в августе 1921 г. Александр подал новое эмоциональное заявление о желании вступить в РКП(б).

В июне 1921 г. кондуктор Иван Конапенко разочаровался в партии. Он жаловался Боготольскому райкому, что многие коммунисты имели корову, кур и хорошо оплачиваемую работу. Его же бросали с места на место, и семья оставалась необеспеченной. Райком принял к сведению заявление Конапенко и посчитал

его выбывшим из РКП(б) [3. Ф. 1. Оп. 1. Д. 379. Л. 301–302]. 15 августа 1921 г. секретарь управления Томской железной дороги коммунист Ефим Дмитриев писал: «Свое заявление основываю на следующем: видя, как с переменной экономической политики и тактики, повлекшими за собою быстрый отход с прежних позиций и уклон вправо, создался какой-то надрыв в партии сверху донизу, различное понимание этой политики разными членами партии, колебания, нащупывание почвы и точек опоры, а отсюда падение авторитета партии в широких рабочих кругах, – я утратил веру в партию» [Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 281]. При этом Дмитриев признавал близкими для себя конечные цели коммунизма и обещал отдавать все силы службе советской власти. Ефим как типичный служащий того времени хотел освободиться от партийных поручений, но при этом сохранить руководящую должность в государственном учреждении. Через два года это стало абсолютно невозможным.

27 августа 1921 г. губернская КК объявила выговор членам Боготольского райкома Богашову, Акуловой и Жаброву за бездеятельность и отсутствие авторитета. Выговор за нарушение дисциплины и болтливость получил коммунист Кучевский, который «своей невыдержанностью и нетактичными выступлениями по адресу членов райкома подрывал и без того слабый авторитет райпарторгана» [Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 70]. Постановление КК предусматривало перевод Кучевского из Боготола в другое место. В целом с 1 января по 15 августа 1921 г., по данным Сиббюро ЦК, Томская губернская партийная организация сократилась на 3 110 человек [6. С. 3].

В.И. Ленин возлагал большие надежды на всероссийскую чистку партийных рядов. Председателем сибирской областной комиссии по чистке партии был назначен В. Каюров. Его директива губернским комитетам гласила: «Особо тщательной проверке должны подвергнуться члены партии, перешедшие к нам из других, нам враждебных партий (эсеры, меньшевики). Эту работу нужно провести с должным тактом» [3. Ф. 1. Оп. 1. Д. 981. Л. 75]. Томичи обязывались завершить чистку к 25 ноября 1921 г. Под должным тактом понималось не открытое изгнание бывших союзников по политической борьбе, а выставление нескольких обвинений для полной дискредитации и оправдания исключения.

К концу 1921 г. многие коммунисты губернии разочаровались в РКП(б) и покинули ее, не дожидаясь чистки. Товарищи прекратили посещать партийные собрания и на чистку не явились. Гораздо меньше было коммунистов, которые считали кампанию чистки удобной площадкой для критики руководства и высказывания собственного мнения. В списке коммунистов Тайгинского райкома напротив фамилий кратко указывались причины исключения: «Суханов Кирилл. Слестарь службы тяги. Заявление о выходе из РКП во время чистки из шкурных интересов. Цепко Георгий. Комиссар телеграфа. Уклонение от партобязанностей и занимается игрой в карты» [3. Ф. 1. Оп. 1. Д. 980. Л. 24]. Е. Завьялов, из коллектива Яшкинского цементного завода, подал заявление о выходе из РКП(б) с мотивировкой своей бесполезности для организации. Райком

посчитал его выбывшим. Поляки, литовцы, венгры, отъезжавшие на родину, выходили из РКП(б), опасаясь преследований со стороны своих правительств.

Резкий поворот к новой экономической политике обусловил левацкие заявления отдельных товарищей. Александр Качунас из пятой военно-инженерной школы был исключен из РКП. 15 ноября 1921 г. он писал в свое оправдание: «И вообще я не согласен с проводимой теперь новой экономической политикой... В настоящее время партия говорит мне, развивай капитализм, а для этого не нужно трогать буржуа. Я кричу: бей всю сволочь, эксплуатирующую слабых и покупающую их жен и дочерей для своей забавы» А.М. Основин, из ячейки Яшкинского цементного завода, не соглашался с новой экономической политикой и считал, что партия повернула вправо [Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 7].

Процедура чистки проходила обычно следующим образом. На собрании ячейки в присутствии членов проверочной комиссии зачитывалась инструкция по проведению кампании. Далее комиссия приступала к персональному опросу каждого коммуниста и заслушиванию характеристик. Чаще всего против никто не высказывался и письменных заявлений не было. Если же поступали заявления, то их подробно разбирали. 15 октября 1921 г. председателем Томской губернской комиссии по чистке назначили Гущина, которого вскоре заменил Карлов. Во время чистки многие товарищи стали обвинять Карлова в пристрастии к интеллигенции. Коммунисты, особенно из рабочих, не доверяли интеллигентам как слугам буржуазии и считали их социально чуждыми. 13 ноября 1921 г. губернский комитет РКП(б) устранил Карлова из состава комиссии по чистке. Через три дня Сиббюро ЦК одобрило это решение [Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 738. Л. 37].

Бывшие офицеры первыми подвергались чистке. Во время Гражданской войны на территории Сибири сконцентрировалась масса офицеров из Европейской России. Их число пополнилось за счет сибиряков, мобилизованных в армию А.В. Колчака. Часть младшего офицерства использовалась новой властью в Красной армии, в низовых звеньях государственного аппарата и допускалась в РКП(б). В июле 1921 г. в связи с сокращением армии проводилась ее чистка. ЦК РКП(б) требовал уволить из Красной армии, трудовых частей, заградительных отрядов, войск ВЧК и санитарных соединений всех коммунистов из числа бывших белых офицеров и военных чиновников. Томский губком обязался завершить эту акцию до 15 августа 1921 г. [Там же. Д. 38. Л. 60]. В августе 1921 г. губернский комитет получил от центра дополнительную инструкцию, которая расширяла границы чистки и на гражданские организации РКП(б). В документе подчеркивалось, что «среди бывших офицеров людей преданных коммунизму, самое ничтожное количество» [3. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18. Л. 133]. ЦК РКП(б) прямо ориентировал губернские комитеты на максимальное исключение бывших офицеров из состава правящей партии. На каждого из них заполнялась анкета из 16 пунктов, которая передавалась в ГПУ.

20 августа 1921 г. общее собрание ячейки Томского губернского союза кооператоров проверяло коммунистов, ранее служивших в Белой армии. Исполнительное бюро

ячейки заранее собрало сведения о таких лицах. Во время обсуждения Воронцову и Симагину предложили выйти из зала, чтобы не стеснять выступавших. Мурашкин настаивал на необходимости проверки Симагина как бывшего штабс-капитана, возможно сменившего фамилию. Остальные выступавшие дали положительную характеристику проверяемым [Там же. Л. 57, 74]. В августе 1921 г. Кемеровский райком объявил всех офицеров, не явившихся на чистку, выбывшими из партии [Там же. Л. 78]. 27 августа 1921 г. Боготольская организация не приняла никакого решения по бывшим офицерам, а передала дело на усмотрение губернской комиссии [Там же. Л. 57]. В сентябре 1921 г. началась общепартийная чистка. К этому времени так называемая офицерская чистка еще не закончилась. Одна кампания наложилась на другую.

В ноябре 1921 г. во втором райкоме Томска из партии исключили бывшего офицера Георгиевского Ивана Тимофеевича. Иван был сыном священника, учился в Томской духовной семинарии до 1914 г., воевал младшим офицером в старой армии четыре года. Георгиевский сражался против чехов, вступил в Красную армию, воевал на Тобольском и Польском фронтах. Во время чистки Иван служил на транспорте. По заданию райкома выступал с лекциями по финансовым вопросам. По призыву партии сдал ценную вещь – портсигар. Чекисты не доверяли бывшему офицеру и завели на него дело. Ячейка обвинила Ивана в пьянстве. 10 декабря 1921 г. Георгиевский подал в райком заявление, в котором отрицал предъявленные обвинения. Иван писал: «Ни мое, если так можно выразиться, поповство, ни офицерство не помешало мне действительно не за страх, а за совесть служить Рабоче-Крестьянскому правительству» [Там же. Д. 9. Л. 78–79]. Георгиевский сообщал, что коммунисты ячейки пьянствовали, не сдали ценные вещи. Бывший офицер оставил заявление и уехал в Саратов.

Губернская комиссия по чистке исключила из РКП(б) Сергея Русакова, представителя Сибполитпросвета в Томске, как бывшего колчаковского офицера. Исключили также Вахмития Матвеевича Кудыбова, заместителя заведующего отделом народного образования. Ранее он состоял лектором в войсках А.В. Колчака и скрыл этот факт при вступлении в РКП(б) [Там же. Д. 1. Л. 280]. Первый райком Томска исключил Рейнфельда, бывшего шифровальщика колчаковской администрации в Омске. Второй райком Томска лишил звания коммуниста бывшего офицера, добровольца колчаковской армии Василия Назарова. В Мариинске забрали партбилет у председателя исполкома Бориса Ланге, бывшего юнкера и сотрудника белогвардейской газеты «Звено». Формально Ланге обвинялся в том, что не руководил исполкомом, а подстраивался под массу и проявил свою мягкотелость как член РКП(б). Подобные разоблачения стали возможны при тесном сотрудничестве парткомов с ЧК. К февралю 1922 г. по Томску выявили 68 бывших белых офицеров, юнкеров и чиновников военного ведомства, состоявших в РКП(б): Векшина Николая, Петрова Михаила, Дементьева Семена, Черносивитова Андрея, Кукса Соломона, Боголюбова Николая и др. [3. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18]. Дальнейшее выявление бывших офицеров возлагалось на КК.

Во время чистки 1921 г. из партии исключили уполномоченного губернского совнархоза Степана Хоменко за преследование коммунистов в 1918 г. во время выступления чехов. В Мариинском уезде исключили из РКП(б) начальника отряда по борьбе с бандитизмом Франса Габра, вымогавшего взятки с арестованных. Франс вступил в любовную связь с бандиткой и отдал ей наган [Там же. Д. 1. Л. 108–110]. В Боготольском районе за так называемый красный бандитизм изгнали из партии Дмитрия Иголина, Генриха Кылувера, Анастасию Чалпанову. Их обвинили в соучастии в убийствах, покушении на убийство священника, вымогательстве продуктов у селян, бегстве с места службы с оружием. Из ячейки томской мельницы удалили Филарета Нехорошева за нанесение побоев револьвером беспартийным. Исключали также за отказ переезжать в другой город. У Сабо Шандера отобрали партбилет за отказ подчиниться мобилизации на нелегальную работу в Венгрию. Товарищи в Тайге дали следующую характеристику Николаю Секистову: «Мало подготовленный, все время колеблющийся, дезорганизующий партию и ненужный балласт». Из партии исключали и за отказ от пожертвований в пользу голодающих.

Служащие, несомненно, использовали чистку для дискредитации конкурентов. Недовольные М. Рютиным секретари губкома усомнились в его революционной работе до 1917 г. Мартемьяна обвинили также во внесении разногласий в работу губернского комитета РКП(б) [Там же. Л. 93]. На низовом уровне личностных конфликтов было больше. Например, Василий Борисович Девяткович обвинял коммуниста Ивана Павловича Карпова, члена коллегии губернского распределительного отдела, в незаконном получении продуктов, одежды и обуви для любовницы [З. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 650–652]. 13 декабря 1921 г. М.Р. Березина, кандидат в члены РКП(б), писала в заявлении в губернскую комиссию по чистке партии: «Каким образом гражданка Новикова получила из комсомола сажень дров по резолюции предкомсомола товарища Зайцева, тогда как она – Новикова никакого участия в работе этого учреждения не принимала» [Там же. Л. 163]. Сообщалось также, что Новикова получила дюжину десертных ножей и два легких кресла.

5 декабря 1921 г. Анжеро-Судженский райком подвел итоги чистки: исключено 78 человек, добровольно вышло 28, механически выбыло 52 [З. Ф. 1. Оп. 1. Д. 360. Л. 103]. Итак, добровольно выбыло больше, чем исключено. Причины исключения райком распределил в следующем порядке: пассивность, трудовое дезертирство, шкурничество, пьянство. Отмеченные явления вполне объяснимы в обстановке разрухи и голода. Необходимость выживать в условиях кризиса заставляла людей искать дополнительный заработок, обрабатывать огороды. Все это снижало политическую активность, вызывало негативное отношение к бесплатному труду. Некоторые ячейки не были охвачены чисткой. При чистке в ячейках сводились личные счета. После чистки были попытки установить действительное число членов партии в уездах [Там же. Д. 435. Л. 63]. 12 января 1922 г. на заседании Сиббюро ЦК РКП(б) Р.К. Рудзит³ отчитался об итогах чистки в губернии.

Утверждено членами и кандидатами	11 972
Исключено	1525
Добровольно и механически выбыло	915
Переведено в разряд испытуемых	147

Губернская комиссия проверила 798 ячеек. Было распущено 11 ячеек, из них 7 в Кузнецком уезде. Чистка обнаружила ячейки, которые не стояли на учете парткомов. Их чистка проходила уже в 1922 г. [Там же. Д. 1. Л. 83–84]. На пятой губернской партийной конференции (январь 1922 г.) отмечалось, что большинство городских коммунистов исключено во время чистки за карьеризм и «шкурничество», а по Томскому уезду – за участие в антисоветских восстаниях летом 1921 г. Крестьяне вступали в партию в надежде обезопасить себя от репрессий.

Еще до окончания чистки, 30 сентября 1921 г., Сиббюро ЦК РКП(б) обязало секретным циркуляром губернские комитеты взять на учет всех исключенных и передать списки в ЧК для наблюдения [Там же. Д. 31. Л. 25]. Таким образом, оказавшиеся вне правящей партии автоматически приобретали статус неблагонадежных. В декабре 1921 г., в конце чистки, парткомы составляли списки исключенных. Первый райком Томска потребовал от исполнительных бюро ячеек в трехдневный срок предоставить списки бывших коммунистов с указанием занимаемых должностей в советских, профсоюзных и иных учреждениях «с указанием, возможно ли оставить для дальнейшей работы на этом месте и кого необходимо убрать теперь же» [Там же. Д. 406. Л. 124]. В декабре 1921 г. кампания массовой чистки закончилась. Дальнейшую борьбу за чистоту партийных рядов правящей партии продолжала губернская КК.

В сентябре 1922 г. губернская контрольная комиссия оправдала и оставила в партии коммуниста второго городского района Всеволода Яргина, занимавшего должность заместителя заведующего Томским губернским финансовым отделом. Юрист Яргин обвинялся в сочувствии белогвардейской организации г. Кузнецка в 1918 г. во время ведения переговоров с красными. Контрольная комиссия разьясняла, что в то время Яргин не был коммунистом, а переговоры помогли избежать кровопролития [Там же. Д. 837. Л. 25]. ГПУ возбудило дело против советского служащего г. Томска Петра Максимовича Овчинникова, скрывшего свою настоящую фамилию и офицерское прошлое. В ноябре 1922 г. губернская КК исключила его из партии. В марте 1923 г. Томский уездный комитет РКП(б) просил ГПУ убрать из Митрофановской волости бывшего штабс-капитана старой армии Киселева, занимавшего должность секретаря районного исполнительного комитета. Киселев мешал уездному комитету проводить директивы РКП(б) по перевыборам сельсоветов. В апреле 1923 г. из партии исключили Ефима Григорьева, заведующего хозяйством губкома РКП(б). Ефим второй раз пытался скрыть свое офицерское прошлое [З. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25. Л. 19]. Летом 1923 г. во время обмена партийных документов разоблачили бывшего добровольца колчаковской армии Ивана Быха.

С лета 1923 г. факты выявления белых офицеров внутри губернской партийной организации встречаются крайне редко. Поиски бывших кадровых военных были перенесены в советские учреждения. Контроль-

ная комиссия наказывала коммунистов даже за знакомство с офицерами. В июле 1923 г. партком Боготола перевел коммуниста Токарева на полгода в кандидаты на отчисление за пьянство в компании с бывшим офицером Садовым. К концу гулянки Садов разбил стекло портрета В.И. Ленина. Однако Токарев ушел домой раньше. Учитывая это обстоятельство, президиум Мариинского уездного комитета отменил перевод Токарева в кандидаты и ограничился строгим выговором в личное дело [Там же. Д. 546. Л. 393]. Заведующая библиотекой партийного клуба Томска Полина Ефимовна Валова поддерживала знакомство с арестованным полковником Михаилом Николаевичем Пепеляевым. Полина находила повод вызвать полковника из дома заключения в библиотеку. В декабре 1923 г. Валову уволили [Там же. Д. 105. Л. 234]. В сентябре 1923 г. в Нарыме уволили со службы торгового инспектора Петра Ефимовича Мясникова. В результате проверки установили, что Петр родился в семье купца и служил в колчаковской армии. Мясников попал в плен к красным, но затем бежал к белым [Там же. Д. 96. Л. 353].

Помимо офицеров во время чистки 1921 г. серьезно пострадали выходцы из других партий. Член ячейки районного управления водников Павлов Алексей Дмитриевич во время кампании чистки подал заявление о выходе из РКП в надежде, что комиссия разберется с его обидчиками. Алексей боролся за советскую власть против чехов и колчаковцев. На его квартире собирались большевики-подпольщики. Павлов подвергался аресту в 1908 и 1918 гг., а в 1918–1920 гг. занимал пост председателя губернского профкома водного транспорта. Эти заслуги оказались недостаточными. Решающую роль сыграло пребывание Алексея с 1902 по 1908 г. в партии социал-демократов, а затем – эсеров. Комиссия исключила Павлова из числа коммунистов [Там же. Д. 14. Л. 453–457]. 31 августа 1921 г. общее собрание ячейки рабочих и служащих водного транспорта Томска признало заведующего агитационным отделом первого райкома Томска Мартьянова Алексея Михайловича достойным звания коммуниста. Накануне исполнительное бюро ячейки дало положительную характеристику товарищу. При этом сообщалось, что Мартьянов в 1920 г. прошел перерегистрацию как бывший офицер. Один из выступавших на собрании сообщил об эсеровском прошлом Мартьянова. Однако этому не придали значения [З. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 40]. В сентябре 1921 г. губернская комиссия по чистке исключила из партии сотрудника ЧК Петровичева как бывшего меньшевика. Дополнительно его обвинили в отсутствии инициативы. Аналогичные недостатки нашли у Александра Леонидовича Шиловского – секретаря второго городского райкома Томска, бывшего офицера. Комиссия признала, что Александр «до настоящего времени не оставил своей меньшевистской идеологии» [Там же. Д. 7. Л. 36]. Он также был исключен из правящей партии.

В Кузнецком уезде исключили из РКП(б) политрука военной части Ивана Лозицкого. В 1914–1918 гг. он состоял в партии эсеров, в 1918 г. выезжал в Америку, в 1919 г. вернулся во Владивосток и вступил в армию А.В. Колчака [З. Ф. 1. Оп. 1. Д. 980. Л. 34–36]. В Тайге лишили статуса коммуниста слесаря депо Григория

Романова, в прошлом эсера. К тому же в транспортную ЧК поступило несколько заявлений о плохом отношении Романова к работе [Там же. Л. 24]. Бывший эсер Алексей Мартунов исполнял обязанности секретаря Боготольского райкома РКП(б). Он допустил избиение арестованных в своем присутствии и был исключен из числа коммунистов. Ячейка третьей Сибирской трудовой бригады объявила строгий выговор Вячеславу Никольскому за пьянство. При этом звание интеллигента и эсеровское прошлое не ставились ему в вину. Из ячейки томского госпиталя № 25 исключили Алексея Кузовлева, примыкавшего в 1917 г. на фронте к эсерам. На заседании комиссии по чистке секретарь ячейки припомнил некоторые высказывания Кузовлева: «Дураки те белогвардейцы, которые не записываются в партию» [З. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 27]. Комиссия признала, что Кузовлев не изжил эсеровской психологии и вступил в РКП(б) с карьеристскими целями. Ячейка РКП(б) управления Томского отделения железной дороги исключила из своих рядов Александра Федорова – бывшего социал-демократа. Товарищи обвинили его в карьеризме, в стремлении приспособиться к любой власти. Во втором райкоме Томска из партии коммунистов удалили бывшего социал-демократа Василия Назарова.

Валериан Никитин, военком Томской артиллерийской школы и бывший заведующий губернским отделом народного образования, получил от губернской комиссии по чистке выговор с занесением в партбилет. Несмотря на запретительную директиву ЦК РКП(б), он подписал поручительство об освобождении на поруки эсерки Блох [Там же. Л. 93]. Во время чистки из партии исключили за эсеровское прошлое Романа Павловича Машкина (Росмана). В 1919 г. Роман был мобилизован колчаковцами для службы на пароходе, в 1920 г. возглавлял подотдел снабжения рабочих и служащих военного транспорта, был одним из руководителей профсоюза водников, а затем членом губернского совета профсоюзов [З. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 54, 56, 72].

В Мариинске исключили из числа коммунистов бывших эсеров: Евграфа Сажина – заведующего потребительским обществом, Василия Иглина – участника карательного отряда белых, Павла Макарова – заведующего уездным отделом народного образования, активного эсера. Последний допустил жертвование эсеров в пользу голодающих. Макарову припомнили его газетные статьи 1918 г. против коммунистов. Кооперативного служащего Дмитрия Игонина удалили из РКП(б) за то, что он не сделал официального заявления в печати о выходе из партии эсеров, в которой состоял в 1917 г. [З. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 113]. В Мариинске исключили также бывшего социал-демократа Ивана Бурбу и в прошлом анархиста Александра Пастушко. Иван служил в коммунистической роте, а Александр занимал должность заведующего подотделом искусства уездного отдела народного образования. Оба отказались вести продовольственную работу в деревне.

В Боготольском районе исключили из РКП(б) Ивана Юдина, заместителя председателя волостного исполкома. С 1905 г. Иван был социал-демократом, а затем – эсером, окончил вуз. Его обвинили в бюрократизме, карьеризме и темном прошлом в колчаковский период

[Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 980. Л. 29]. Заместитель председателя революционного трибунала Каурбек Батоев успешно прошел чистку, несмотря на эсеровское прошлое 1913–1916 гг. Чекиста Иосифа Левитина исключили из РКП(б) как «карьериста, в высшей степени склонного к меньшевизму» [Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 43]. В декабре 1921 г. губернская комиссия по чистке исключила из РКП(б) Григория Пермякова, члена президиума профсоюза медиков, как бывшего эсера и нарушителя партийной этики. Пострадал и Яков Келмаг, заведующий тарифным отделом губернского профсоюзного совета, в прошлом бундовец. Его исключили за отъезд из Томска без разрешения партийных органов [Там же. Л. 143]. Во время всероссийской чистки 1921 г. из Томской губернской организации удалили: 19 социал-демократов (меньшевиков), 15 левых эсеров, 24 правых эсера, одного анархиста и четырех представителей других партий [З. Ф. 1. Оп. 1. Д. 808. Л. 28]. Летом 1922 г. был исключен из РКП(б) Владимир Леонидович Буренин как сторонник оппозиционных лидеров А.Г. Шляпникова и А.М. Коллонтай. Владимир прибыл в Сибирь из Костромской губернии, окончил Иркутское военное училище, учился на филологическом факультете Томского университета. С 1917 г. входил в Томскую организацию левых эсеров, а в 1918 г. был ее руководителем [Там же. Д. 97. Л. 16].

Вслед за исключением из партии следовали, как правило, увольнение со службы и повышенное внимание со стороны спецслужб. 25 ноября 1922 г. Томский отдел ГПУ просил губком РКП(б) срочно прислать списки всех исключенных из правящей партии начиная с сентября 1921 г. [Там же. Д. 1058. Л. 4]. Директива ЦК РКП(б) от 3 ноября 1923 г. предписывала руководителям учреждений, не способным провести чистку кадров самостоятельно, обращаться за помощью в губернский комитет РКП(б). Коммунистам запрещалось рекомендовать социал-демократов для поступления на государственную службу. В соответствии с директивой ЦК РКП(б) В.С. Калашников требовал от уездных и районных комитетов строго следить, чтобы меньшевики, уволенные из одного советского учреждения, не попадали в другое [З. Ф. 4. Оп. 1. Д. 31. Л. 83].

В мае 1922 г. ячейка Томского военного госпиталя исключила из партии Мартынова, который после возвращения с Польского фронта стал апатичным и перестал посещать партсобрания. Губернская КК одобрила решение ячейки [Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 184]. Дмитрий Хомяков, член Томской городской организации, коммунист с 1917 г., в сентябре 1922 г. подал заявление о выходе из РКП(б). Губком не отпускал его на родину, в Европейскую Россию, и не назначал на желанную должность в совнархозе [Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 837. Л. 28]. В это же время заявление о выходе из РКП(б) подал томский рабочий Прокопий Мунгалов. Он писал о безответственности руководящих работников, которые не реагируют на направляемые им материалы. Второй городской райком постановил: «Находя заявление т. Мунгалова ни на чем не обоснованным, и что в подтверждение своих слов он никаких материалов представить не мог, и что настоящее заявление было лишь поводом для выхода из РКП(б), считать Мунгалова вышедшим из РКП(б) по заявлению» [Там же].

В сентябре 1922 г. губернская КК исключила из числа коммунистов юриста Василия Никольского, скрывшего службу в комиссии по расследованию действий большевиков после падения советской власти в 1918 г. [З. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25. Л. 18]. Некоторые выбывшие и исключенные из партии в 1922 г. проходили еще по делам ГПУ. Громадин Федор Петрович обвинялся в бандитизме, Резер Карл Анапович и Кылувер Кондирий Янович – в самовольном расстреле арестованного, Бобов Иван Никифорович – в торговле самогонкой, Зоткин Андрей Иванович – в хищении продуктов.

К августу 1922 г. была завершена переаттестация сотрудников ГПУ. Были уволены Мыжецкий Михаил Илларионович, Фаерман Константин Павлович, Поздеев Яков Иванович, Весовщиков Григорий Александрович, Богданова Елизавета Владимировна, Шкурина Татьяна Ивановна и др. Причины увольнения разные: недобросовестность, склонность к анархизму, нетрезвое поведение и буйство, партизанский анархический дух, сокрытие своей службы при А.В. Колчаке, сокращение штатов [Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1006. Л. 363]. Губернская КК исключила из партии за пьянство сотрудников ГПУ Ноздрачева и Польшинского. Первому разрешили вновь вступать в партию не ранее, чем через два года, а второму – через год. На год исключили из партии Сергея Михневича, который расконспирировал себя как секретного сотрудника ГПУ [Там же. Д. 837. Л. 39]. В январе 1923 г. губернская КК исключила из партии на шесть месяцев токаря мастерских Самусьского затона Петра Мясникова за уклонение от исполнения обязанностей осведомителя ГПУ. Петра также обвинили в изготовлении на продажу плугов из похищенного железа [Там же. Д. 840. Л. 7]. В апреле 1923 г. был уволен сотрудник ГПУ Петров-Искра за анархо-партизанское поведение и негативное отношение к ответственным работникам. Он пытался создать отряд из бывших партизан [Там же. Д. 111. Л. 148].

Пьянство было наиболее распространенным нарушением партийной дисциплины. Однако губернская КК не считала пьянство в компании партийцев серьезным проступком. Например, шахтер Василий Андреевич Митраков характеризовался КК так: «С непролетарским элементом связи не имеет. Выпивает в компании коммунистов, что он сам не отрицает» [Там же. Д. 662. Л. 4]. Поэтому Василий не получил даже выговора. В марте 1923 г. губернская КК отчитывалась о своей работе на 7-й губернской партийной конференции. В докладе признавалось, что первое место среди проступков занимало пьянство. При этом цитировались наиболее типичные высказывания в свое оправдание: «Пьют ответработники, а нам, рабочим, привычным к этому с малолетства, почему бы не выпить? Да и теперь продажа вина разрешена. Вот в Кузнецке пьют, может быть, в четыре раза больше, чем у нас, и мир не рухнет» [З. Ф. 2. Оп. 1. Д. 29. Л. 14]. В мае 1923 г. Томский уездный комитет исключил из партии Алексея Лепейского за пьянство и гуляние с проститутками [Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1089. Л. 29].

Контрольная комиссия постоянно исключала из партии милиционеров, злоупотреблявших своим служебным положением. Например, начальник районной милиции Кузнецкого уезда Евгений Гулякин за неза-

конные аресты, присвоение чужого имущества, порку арестованных был приговорен губернским судом к трем годам лишения свободы. В мае 1923 г. Гулякина исключили из партии без права повторного вступления [3. Ф. 1. Оп. 1. Д. 101. Л. 256].

Чистка была направлена, прежде всего, против тех социальных групп, которые лидеры РКП(б) считали враждебными. К ним относились офицеры, полицейские, богатые крестьяне, верующие, выходцы из других партий. Из правящей партии изгонялись независимо от социального положения пьяницы, взяточники, воры, преступники, налоговые должники, нарушители партийной дисциплины, исполнители религиозных обрядов. Часто причины

исключения формулировались весьма общим штампом: «шкурничество», «чуждый элемент», «лишний балласт». К числу достаточно редких причин исключения коммунистов можно отнести избивание арестованных, отказ от выступления против бандитов, сокрытие спекулянтов, агитацию против РКП(б). Перерегистрация 1920 г. не удалась. Чистка 1921 г. резко сократила число коммунистов губернии. В дальнейшем массовые кампании по чистке были заменены регулярной работой контрольной комиссии, в составе которой были специальные следователи. Исключение из партии означало поражение в правах и увольнение. В условиях безработицы это была довольно жесткая мера воспитания коммунистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Т.Д. Екишев (1893–1938 гг.) в декабре 1917 г. входил в состав Томского комитета общественной безопасности; в 1920–1921 гг. был членом Томского комитета РКП(б) и Томского горюездного исполкома.

² А.Д. Никифоров – студент Томского технологического института. В 1917 г. примкнул к большевикам. В 1920–1921 гг. входил в состав бюро губернского комитета РКП(б).

³ Рудзит Роберт Карлович в партии с 1914 г., чернорабочий в Риге и Митаве. Окончил четыре класса городского училища. В 1921 г. – член второго райкома РКП г. Томска, председатель губернской комиссии по чистке партии, зам. начальника Томского губернского отдела ГПУ. В декабре 1922 г. откомандирован из Томска в Одесскую губернию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Горестов М.А.* Деятельность партийных контрольных комиссий в Сибири по улучшению качественного состава партийной организации в 1921–1923 гг. // *Сибирь и Дальний Восток* в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1971. Вып. V. С. 34–54.
2. *Демидов В.В.* Укрепление сибирской парторганизации в ходе чистки РКП(б) в 1921 г. // *Партийные организации Сибири и Дальнего Востока: история и современность*. Томск, 1991. С. 86–97.
3. *Центр* документации новейшей истории Томской области.
4. *Известия* Томского губкома РКП(б). 1921. № 2.
5. *Куренков А.В.* Органы власти и управления в Томской губернии (конец 1919–1925 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013.
6. *Известия* Сиббюро ЦК РКП(б). 1921. № 23.

Статья представлена научной редакцией «История» 31 октября 2013 г.

Guzarov Vladimir N. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vladimirguzarov@mail.ru

"PURGE" OF THE RCP (B) IN TOMSK PROVINCE: 1920–1923.

Key words: purge; regulation of party organizations; dismissal from service; former officers; representatives of other opposition parties; criminals.

In the process of regulation of party organisations the Central Committee of the RCP (b) used the tactic of mass methods and total purges. Party organisations in Siberia were regulated the same way. Since January 1920 there was a rapid growth of the number of Communists in Tomsk Province, and already in 1920 by the first "purge" followed. The campaign was planned to finish in November 1920; in fact it was completed by the end of the year. The campaign was unsuccessful due to the lack of the local apparatus. The total number of Communists actually did not change. In August 1921 a Party-wide "purge" started. The number of Communists in the province decreased dramatically. The exception from the Party was accompanied by people's departure from the party by their own will. The "purge" was directed primarily against those social groups that party leader V. Lenin considered hostile. Among them were former military officers, police officers, wealthy peasants, believers, members of other parties. Many officers declared their loyalty, and went to serve the new government. However, fearing coup the governmental party did not trust officers. Also committees for purging the Party were suspicious to former members of other parties. Both of these social groups were carefully identified by party committees and special services for the removal from the RCP (B) and subsequent supervision. Regardless of the social status, drunkards, the corrupted, thieves, criminals, tax debtors, violators of party discipline, religious rites performers were expelled from the governmental party. Often the reason for the exception was formulated indefinitely: "selfishness", "foreign element", "extra ballast". Among exceptional reasons were: murder, beating of detainees, denial of fighting against bandits, promotion of speculators, and agitation against the Russian Communist Party (Bolsheviks). The list of offences allowed by members of the ruling party suggests that the Communists did not have the necessary level of culture to build the rule of law. The norms of the party ethics remained uncertain, as foreclosures imposed by the Communists. In 1920 and 1921 there were mass purges. Later, mass campaigns were replaced by regular activities of the control committee, which included special party investigators. Expulsion from the party meant disqualification and dismissal. In terms of unemployment it was a pretty strict educational measure of the Communists.

REFERENCES

1. *Gorestov M.A.* Deyatel'nost' partiynykh kontrol'nykh komissiy v Sibiri po uluchsheniyu kachestvennogo sostava partiynoy organizatsii v 1921–1923 gg. // *Sibir' i Dal'niy Vostok v period vosstanovleniya narodnogo khozyaystva*. Tomsk, 1971. Vyp. V. S. 34–54.
2. *Demidov V.V.* Ukreplenie sibirskoy partorganizatsii v khode chistki RKP(b) v 1921 g. // *Partiynye organizatsii Sibiri i Dal'nego Vostoka: istoriya i sovremennost'*. Tomsk, 1991. S. 86–97.
3. *Tsentr* dokumentatsii noveyshey istorii Tomskoy oblasti.
4. *Izvestiya* Tomskogo gubkoma RKP(b). 1921. № 2.
5. *Kurenkov A.V.* Organy vlasti i upravleniya v Tomskoy gubernii (konets 1919–1925 gg.): dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk, 2013.
6. *Izvestiya* Sibbyuro TsK RKP(b). 1921. № 23.